

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Атлас української мови: В трьох томах. Том перший. Полісся, середня наддніпрянина і суміжні землі/Редакційна колегія: Закревська Я. В., Залеський А. М., Марчук Н. Й., (секретар), Матвійас І. Г. (голова), Назарова Т. В., Прилипка Н. П. Ред. тому Матвійас І. Г. Київ: Наукова думка. 1984.

Выход в свет первого тома Атласа украинского языка (АУМ) — важное событие в области не только украинской, но и — шире — восточнославянской диалектологии. Положено начало публикации многолетнего труда украинских диалектологов и одновременно открылась еще одна страница в лингвогеографическом изучении восточнославянских диалектов. Вспомним, что в 1957 г. был опубликован «Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы» (под ред. Р. И. Аванесова), а в 1963 году — «Диялекталагічны атлас беларускай мовы» (под ред. Р. І. Аванесова, К. К. Крапівы и Ю. Ф. Мацкевіч). В 1986 г. вышел в свет «Диалектологический атлас русского языка (Центр Европейской части СССР). Вып. 1. Фонетика» (под ред. Р. И. Аванесова, С. В. Бромлей). Можно думать, что к концу текущей пятилетки закончится публикация и украинского и русского атласов, и тем самым вся восточнославянская языковая область предстанет на картах национальных лингвистических атласов. Рецензируемый атлас естественно рассматривать в контексте названных работ, так как все они представляют собой в научном плане как бы звенья одной цепи, являясь претворением в жизнь на материале трех восточнославянских языков принципов советской лингвистической географии.

Как ясно из названия I тома, деление АУМ на тома определяется территориальным принципом: во II и III томах будет представлена остальная территория (соответственно восток и юг). III том будет, кроме того, содержать комплексные карты, охватывающие всю территорию Украины и отражающие наиболее важные диалектные различия.

В первом томе, помимо основного корпуса карт, посвященных языковым явлениям, помещены материалы, относящиеся к атласу в целом: вспомогательные карты, основная часть которых содержит информацию внелингвистического характера (политико-административную, природно-экономическую и историческую, карта

говоров украинского языка, а также обширное введение, содержащее все необходимые сведения об АУМ.

Во введении (авторы разных его разделов И. Г. Матвійас, Т. В. Назарова, И. А. Варченко) много места уделено истории создания атласа. Она освещается на фоне более ранних опытов лингвогеографического изучения украинских диалектов, начиная с известной работы Михальчука (1877 г.), в которой впервые было установлено их деление на три наречия. Претерпев более чем за 100 лет развития украинской диалектологии естественные изменения и уточнения, эти три наречия фигурируют и на публикуемой в АУМ карте говоров украинского языка, которую правомерно рассматривать как синтез многолетних усилий многих украинских ученых. Из них названы труды П. Бузука (1928 г.), И. Панькевича (1938 г.), а также многие работы по говорам западной Украины и украинским говорам на территории Польши. В ряду этих работ следовало бы упомянуть книгу В. Ганцова [1]. Выдвинутые автором аргументы за выделение не трех, а двух наречий украинского языка могут быть заново оценены в свете данных, содержащихся в АУМ.

Очень важно, что во введении дается принципиальная оценка программы, по которой был собран материал для АУМ. Составленная в свое время под редакцией Б. А. Ларина, она отличается от программы атласов русского и белорусского языков своей слабой ориентированностью на отражение системы языка. Формулировки вопросов нацелены не на изучение диалектных явлений в определенных позициях, а в основном на фиксацию отдельных слов (или словоформ) с тем или иным фонетическим или морфологическим признаком.

Эти недостатки программы, проецируясь на карты атласа, могли бы обусловить их несистемный, «атомарный» характер. Этого, к счастью, не произошло. Авторы АУМ проделали огромную работу, мобилизовав для отражения каждого языкового явления весь материал, содержащийся в записях по всем разделам про-

граммы, что и дало положительные результаты.

В изложении теоретических основ картографирования, которые, как подчеркивается во введении, в своих определяющих чертах являются общими и для атласов других восточнославянских языков — русского¹ и белорусского, — делается упор на черты своеобразия в трактовке некоторых лингвогеографических понятий. Так, во введении излагается своеобразное понимание лингвистического ареала как особой двусторонней единицы, в связи с чем частично перестраивается и терминология. Диалектные тождества и различия, отраженные на картах, переименовываются в ареальные тождества и различия. Можно было бы поспорить о целесообразности и правомерности объединения в одну единицу таких в принципе различных феноменов действительности, как реальный факт языка и характер его распространения, если бы эти построения влияли на подход к картографированию. Практически же карты АУМ строятся с учетом традиционного понимания структуры диалектных различий (см. [2]). А ареалы языковых явлений или их отдельных признаков, являясь искомым, наглядно предстают на картах и, в свою очередь, легко поддаются классификации по различным критериям, но уже релевантным для пространственного аспекта их изучения.

На пути системного отражения языковых фактов авторы видели свою задачу «в расширении возможностей лингвистического картографирования и отражения языковых явлений как взаимосвязанных элементов языковых структур» (с. 10), стремились «частично обогатить объект картографирования и усилить информативные возможности карты» (с. 10). Этим целям в немалой степени служит детально разработанная в АУМ система знаков. По сравнению с русским региональным атласом территории к востоку от Москвы и белорусским атласом в АУМ значительно расширен арсенал графических средств. Это не только значки, но также и штриховки, фонь, изоглоссы. Все эти средства могут быть употреблены на одной карте для выделения «разных уровней карты». В употреблении разных знаков последовательно соблюдается перархия. «Основной уровень», который определяет и название карты и ее место в атласе, показан всегда значками в определенной их последовательности. На многоцветных картах закреплена и последовательность цветов, из которых первый —

красный — всегда означает вариант, свойственный литературному языку. Такому выделению литературного варианта в АУМ придается принципиальное значение, поскольку авторы стремились к «четкой соотнесенности территориального и внетерриториального планов функционирования языка» (с. 12). Остальные средства — штриховки, фонь, изоглоссы — употребляются для отражения «дополнительных уровней карты», сопровождающих основной.

Стройная система знаков, составляющая богатый «язык карт», безусловно, является сильной стороной АУМ. Привыкая к этому языку, начинаешь легко считывать с карт заложенную в них разнообразную информацию, которая с разных сторон характеризует языковой объект. Однако всякое абсолютно последовательно проводимое правило оказывается в чем-то стесняющим. И в этом случае красный цвет, неукоснительно обозначающий «литературный вариант», на тех картах, где он распространен почти повсеместно (а их достаточно много, так как этот вариант часто имеет тенденцию к распространению), зрительно «забивает» специфически диалектные варианты. Признавая целесообразность экспликации литературного варианта, не следует, как нам кажется, ради этого жертвовать выразительностью карты в целом. Лучше, вероятно, было бы систематически выделять его не на карте, а в легенде.

В АУМ 147 карт фонетических, 13 карт на ударение, 113 морфологических, 8 синтаксических и 69 лексических.

Установка авторов АУМ на показ диалектных фактов как элементов системы языка не осталась простой декларацией. Основные диалектные различия удалось отразить на обширном материале в существенных для их реализации позициях и создать карты, хорошо стыкующиеся с соответствующими картами атласов русского и белорусского языков. Кроме того, в АУМ имеются прекрасные обобщающие карты типологического характера, посвященные системам вокализма (карты № 1, 2) и категории твердости — мягкости согласных (карты № 89, 90). Их четкость и выразительность свидетельствуют об умении представлять сложные языковые объекты простыми и экономными средствами с выделением в их структуре определяющих в типологическом смысле признаков. Карты такой степени абстракции, к сожалению, отсутствуют в русском и белорусском атласах, хотя характер материала, собранного для этих атласов, лучше обеспечивал возможность их построения.

И все же «специфика собранного мате-

¹ Здесь неоднократно упоминается монография [2] под ред. Р. И. Аванесова, являющаяся изложением опыта русских лингвогеографов.

риала, — как говорится во введении, — толкала на показ отдельных слов как звуковых структур» (с. 12). Такие карты среди фонетических и морфологических преобладают и имеют своеобразное, как бы комплексное построение. В них кроме диалектного различия, соответствующего названию карты и выдвинутого на «основной уровень», находят отражение все языковые признаки (из числа варьирующихся по говорам), которые содержатся в звуковой оболочке слова (словоформы). Таким образом, эти карты обладают многоаспектной, иногда совершенно неожиданной информативностью.

В связи с таким построением карт в структуре АУМ границы между уровнями языка (а также и между их внутренним членением) оказываются как бы размытыми. Не случайно, что и в оглавлении они формально не выражены. Так, в качестве «дополнительных уровней» на фонетических картах, посвященных вокализму, мы находим консонантные различия, на картах по морфологии — фонетические и словообразовательные, на тех и других — лексические; на лексических картах также отражена фонетика, причем не только нерегулярная, т. е. связанная именно с данным словом.

Такой подход к картографированию нельзя поставить в упрек, так как при этом все темы на каждой карте прекрасно графически разграничиваются, а богатство представленной на карте разносторонней информации делает их как бы стереоскопическими. Плохо лишь то, что читатель, интересующийся каким-либо конкретным явлением (в первую очередь это относится к фонетике), не может по оглавлению найти все относящиеся к нему материалы. Значительно облегчило бы этот поиск в каждом отдельном случае наличие соответствующих отсылок в комментариях к той карте, где явление представлено на «основном уровне».

Кстати о комментариях к картам отдельных языковых явлений. Их стиль предельно скупой и техничный. Они содержат совершенно конкретную, четко организованную информацию: о соответствующем данной карте вопросе программы, об особенностях транскрипции, о вариантах, объединенных при картографировании и т. п. Общие пояснения к теме карты даются крайне редко. В то же время их отсутствие в части случаев ощущается остро. Содержательные комментарии нужны в первую очередь для обобщающих карт, где в раскрытии нуждаются сами принципы генерализации, отбор материала. Но и когда карта посвящена отдельному слову или словоформе, то необходимо, если это возможно, пояснить, стоит ли за данным словом

(словоформой) явление (фонетическое, морфологическое) или же это слово представляет собой раритет и имеет собственную судьбу.

Очень ценно, что комментарий завершается указанием на идентичные карты, содержащиеся в других славянских диалектологических атласах.

Важный составной элемент атласа — карты изоглосс (автор карт Ф. Т. Жилко). Они явятся в дальнейшем основой для создания новой уточненной группировки украинских говоров. Думается только, что для этих целей их лучше было бы выполнить, применительно к атласу в целом, на сводных картах, которые предполагается поместить в III томе. К тому же в пределах ограниченной территории одного тома не все изоглоссы могут быть правильно оценены. Например, явления, квалифицируемые как отражающие разные ареалы — подольский (карта № 380 — 'пoл'и́л') и юго-западный (карта № 376 — за'вод'ат во́йки), — на территории I тома имеют почти идентичные изоглоссы. Их территориальная специфика выявляется только за рамками I тома.

Сопредельное положение территории, включенной в I том АУМ, по отношению к территориям распространения русского и белорусского языков позволяет увидеть, как тесно эти языки связаны между собой на всех уровнях. Это проявляется во множестве изоглосс, уходящих с территории Украины на территорию России и Белоруссии. Ср., например, распространение словоформы [і]ржати (карта № 24), глагольных форм наст. времени типа знá, дума (зм. знает, думает — карта № 260), слова молнія (карта № 391) и мн. др. Карты АУМ содержат также много украинских локальных черт, переключаящихся с теми же чертами, известными в разных пределах русского и белорусского языкам. Ср., например, украинские локальные зоны, где как и в части русских говоров употребляются формы инфинитива на -ти (карта № 250), слова ухвáт (карта № 290), кома́ри — «муравьи» (карта № 326), иржі́ще — «сжатое поле после ржи» (карта № 310). Этот перечень можно продолжить. Еще больше таких переключек с белорусским языком. Эти и многие другие факты, содержащиеся в картах I тома АУМ, подтверждают наличие теснейших взаимосвязей между тремя ближайше родственными восточнославянскими языками, что объясняется длительными общими процессами диалектообразования, пережитыми в пределах единого древнерусского языка, и относительно поздним обособлением этих языков как самостоятельных.

Издание I тома АУМ, предвещающее скорый выход в свет всего атласа украинского языка в целом, делает реальностью

наступление того важного момента в изучении восточнославянского языкового континуума, когда важнейшие явления восточнославянских диалектов можно будет свести воедино и представить на общих лингвистических картах.

Бромай С. В.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ганцов В. Діалектологічна класифікація українських говорів (3 картаю). Київ, 1923.
2. Вопросы теории лингвистической географии. М., 1968.

Дмитренко С. Н. Фонемы русского языка. Их сочетаемость и функциональная нагрузка/Отв. ред. Иванов В. В. М.: Наука, 1985. 232 с.

Монография С. Н. Дмитренко представляет собой первое в советской русистике описание русских фонем одновременно в аспекте их системных отношений, сочетаемости (с учетом отношения к морфемной структуре словоформы) и функциональной нагрузки в фонологических оппозициях. Ширина охвата проблемы характеризует несомненную новизну и актуальность работы; способ решения ряда вопросов, особенно конкретно описательных, во многом определяет ее новаторский характер. Необычна и структура книги: около 50 страниц текста и около 180 страниц списков, таблиц и указателей, составляющих ее основное содержание.

Основу воззрений автора (см. первую главу «Фонемы современного русского литературного языка. Состав и система фонем», с. 7—35) образует часть концепции Р. И. Аванесова [1] — учение о сильных и слабых фонемах (фонемные ряды и морфофонематическая транскрипция не учитываются). Поэтому мнение автора (с. 7), что ее теоретические положения в целом не выходят за рамки традиционной теории МФШ и теории Р. И. Аванесова, представляется странным: ведь морфемный критерий фонемной атрибуции звуков слабых позиций, составляющий сущность теории МФШ, для С. Н. Дмитренко роли не играет. Сопоставление ее фонологической транскрипции, например, слов *ход* ($хо/т_2/$), *бот* ($бо/т_2/$), *вот* ($во/т_2/$) с фонематической транскрипцией МФШ и морфофонематической транскрипцией Аванесова ($хо/д/$, $бо/т/$, $во/т_2/$) показывает, что транскрипция автора, отражающая суть ее подхода, не имеет соответствия в теории МФШ.

В модель Р. И. Аванесова автор вносит еще два изменения. 1) Гласные *и*, *у* считаются сильными фонемами во всех позициях (с. 10). (По Аванесову, все безударные гласные являются слабыми фонемами.) 2) В состав фонем русского языка вводятся слабые фонемы (с. 24), и в итоге в нем насчитывается 7 гласных (5 сильных + 2 слабых) и 69 согласных

фонем (37 + 32). Слабые фонемы на одном уровне с сильными все же не стоят, так как выступают их модификациями: $/t_2/$ в *код*, $/а/$ в *сома*, $/а/$ в *сама* являются соответственно модификациями $/д/$, $/о/$, $/а/$; $/а/$ в слове *со-* из *собака* — модификацией одновременно $/о/$ и $/а/$ (с. 11). В то же время $/t_2/$ в *крот* модификацией $/т/$ не является [2, с. 71]. Отметим, что модификациями фонем обычно принято считать аллофоны, варианты фонем, а не сами фонемы.

Фонемы (сильные и слабые) реализуются в вариантах. Слабая фонема $/а/$, например, имеет варианты $[\wedge]$ ($пр \wedge бь$) и $[п^e]$ ($пр^e бь$) — от *рыбой*. При этом звуковые виды этих словоформ (именно звуковые виды, т. е. звучания, а не фонемный состав!), при тождестве гласных фонем, различаются только фонемами $/р/$ и $/р'/$: $/р \wedge бь/$ — $/р^e \wedge бь/$ (с. 13—14). На самом деле, как показывает фонетическая запись, их звучания отличаются и согласными звуками $[р]$ и $[р']$ и гласными $[\wedge]$ и $[п^e]$. Получается, что автор, вопреки традиции, связывает квазиомонимию лишь с фонемным составом и игнорирует очевидные различия звукового состава словоформ (см. об этом при анализе третьей главы).

Один из конститутивных признаков слабых фонем $/а/$ и $/а_1/$ — подъем — установлен произвольно. Вариантами фонемы $/а/$ (пелабиализованной, верхне-среднего подъема) выступают высокие гласные $[и^e]$ и $[ы^e]$ и гласный $[\wedge]$, квалифицируемый в [2, с. 26] как гласный среднего-нижнего подъема. Ясно, что верхне-средний подъем $/а/$ не может быть выведен из характеристик подъема этих трех вариантов. Фонема $/а_1/$ (пелабиализованная, средне-нижнего подъема) имеет вариантами гласные среднего подъема $[э]$ и средне-верхнего подъема $[ь]$ [1, с. 117—118], что опять же не дает оснований для приписывания фонеме $/а_1/$ признака средне-нижнего подъема. Реально различием $/а/$ и $/а_1/$ служит лишь степень редукции —